

П у б л и к а ц и и

О ВЫДВИЖЕНИИ Л. ЛЕОНОВА НА НОБЕЛЕВСКУЮ ПРЕМИЮ В 1993 ГОДУ*Из истории Кафедры русской литературы Вильнюсского университета***Публикация и комментарии Александра Лысова**Вильнюсский университет
Кафедра русской филологии

Великий русский писатель – Леонид Леонов – неоднократно выдвигался в качестве кандидата на Нобелевскую премию. Об одном из таких случаев мне написала специалист по Нобелевским премиям, длительное время работавшая в архивах Шведской Академии наук: «Поскольку книга моя только что сдана в печать, я не могу цитировать, даже в частной переписке, неопубликованных материалов. О Леонове я знаю только начальный этап его выдвижения на премию, см.: “... в 1949 и 1950 гг. профессор-славист русского происхождения из Хельсинки, Валентин Кипарский, рекомендовал в своих обращениях в Шведскую академию сразу двух русских романистов М. А. Шолохова и Л. М. Леонова”. “Экспертное заключение” по поручению НК (Нобелевского комитета. – *А. Л.*) соста-

вил в 1949 г. стокгольмский профессор Нильс Оке Нильсон <...>. НК кандидатуру Леонова отверг. У меня есть текст заключения и Нильсона, и Комитета, но, повторюсь, материал еще не опубликован и не озвучен. <...> и <...> между тем, чрезвычайно любопытный¹. «Леонова выдвинули “по совокупности”, за творчество в целом – в целом оно и разбиралось, от “Петуши-

¹ В письме от 27 сентября 2005 года. Выражаю большую признательность Татьяне Вячеславовне Марченко за предоставленные мне уникальные сведения. Надеюсь, что сданная ею в печать книга о Нобелевских лауреатах и о тех, кто из русских писателей был рекомендован в кандидаты на эту премию («Русские писатели и Нобелевская премия: 1901-1954»), вскоре увидит свет. Леонову в книге посвящено 3 страницы (что не так мало). И мы сможем узнать большие подробности об отказе Леонову в Нобелевской премии.

хинского пролома” до пьес, “Половчанских садов”, в частности. В “Заключении” НК было записано: “Предложение отклоняется”².

В данной публикации мне бы хотелось сохранить *нашу*, связанную с Вильнюсским университетом, рекомендацию Л. М. Леонова в Комитет по Нобелевским премиям в 1993 году и привести некоторые обстоятельства, этому сопутствовавшие.

На 1992 год пришелся пик моих отношений и переписки с литературным секретарем Л. Леонова, его другом и поклонником, искусствоведом Владимиром Александровичем Десятниковым, работавшим в Троице-Сергиевой Лавре и предпринявшим еще при жизни писателя путешествие по местам в России, где бывал с творческими поездками Леонид Леонов.

В ноябре 1992 года он написал мне письмо, в котором осведомлял о том, что «на собственный страх и риск», пользуясь поддержкой специалистов и авторитетом журнала «Молодая гвардия», в январе 1992 года составил текст «представления о выдвижении Л. М. Леонова в качестве кандидата на Нобелевскую премию за 1992 год за роман “Вор” (в редакции 1990-91 г.г.)»³. Заведомо уверенный, что премию Леонову не дадут – уж слишком он русский художник, недоступный Западу в своих достижениях, – автор письма, тем не менее, считал, что надо было использовать «*шанс*», чтобы *потом* не было стыдно перед великим творческим прошлым Леонова. Уж у кого-кого, а оснований *торопиться* с рекомендацией Леонова в Нобелевский Комитет у его литературного

секретаря было немало. Он знал, в каких невероятных обстоятельствах, связанных и с теряющимся зрением, и с общим настроением, и с самим отношением писателя к *перевернутой современности*, писался роман «Пирамида». «Настроение у Л. М. неважное. Недавно вышел из больницы, лежит, гулять не выходит. Поводов для размышлений, как Вы понимаете, у Л. М. предостаточно. Личная судьба его мало тревожит, а вот что будет с Россией – об этом он только и размышляет. Роман он свой называет “недоношенным”, хоть и честно над ним работал 30 лет. Единственное оправдание для себя Л. М. видит в том, что “больно уж время наше сложное”. Я как могу, стараюсь быть полезным Л. М. и <...> стараюсь зафиксировать основные темы разговоров и “угол атаки” Л. М.»⁴.

Я воодушевился письмом Десятникова и решил составить текст представления Леонова к всемирно знаменитой премии на следующий, 1993 год, от имени Вильнюсского университета. В результате переговоров с Десятниковым по телефону (все это совершалось в полном секрете от Леонова) мы выработали главные идеи и основные мотивировки подобной рекомендации. Сложность состояла в том, что надо было представить Леонова по *одной* книге, и это все – при оценке его творчества в целом. То есть, от «Вора», вроде бы, и в этот год отступить было нельзя. Тем более что роман после 1959 года постоянно издавался все в новых дополнениях и уточняющих вариантах. Решено было использовать этот абсолютно новый и особый критерий в развитии романистики XX века. Ибо «Вор»

² В письме Т. Марченко А. Лысову от 9 октября 2005 года.

³ Из письма В. А. Десятникова автору данной публикации от 1 ноября 1992 года.

⁴ Из письма В. А. Десятникова автору данной публикации от 24 марта 1991 (воскресенье, Великий Пост).

был основан на движущейся романной реальности, и в разные годы давал новому оценку своего времени. Я знал, что сам Леонов гордился своей уникальной задумкой – создать произведение, которое было бы способно развиваться в пространстве новых времен.

Но нельзя было упустить и другое – в это время писалась «Пирамида». Фрагменты романа и даже несколько глав из него уже появились в печати. Миф о «Размолвке Начал», вошедший в «Пирамиду», был очень значителен в леоновском творчестве. Этот сюжет был апробирован писателем еще в юношеские годы, в поэме «Земля», затем использован в рассказе «Уход Хама». И мы уже тогда могли понять, что последний роман Леонова будет носить соборный характер и обобщать его творчество в целом. Сегодня видно, что многое из посланного в Нобелевский Комитет имело право на существование и оказалось – в догадках – правдой или решениями, близкими к истине. Более того, в одной из предшествовавших бесед, Леонов изложил мне, хоть и тезисно, главные свои «мечтания», введенные в «Пирамиду», разъяснил ведущие сюжетные ходы.

Целый месяц я писал текст официальной бумаги в Шведскую Академию наук, опираясь во многом на свою статью «Апокриф XX века...», основанную на материалах бесед с писателем. На заседании Кафедры русской литературы Вильнюсского университета текст представления почти без поправок был принят единогласно всеми участниками заседания. Затем, с оказией, он тут же был переправлен в Санкт-Петербург, в ИРЛИ (Пушкинский Дом), Н.А. Грозновой в Сектор новейшей литературы, которым она тогда заведовала... И там «Ходатайство...» было принято за основу, может,

дополнено, но утверждено для отправления в Комитет по Нобелевским премиям.

В Комитет по Нобелевским премиям Шведской Академии Наук

Ходатайство о присуждении Нобелевской премии Леониду Леонову в области литературы за 1993 год

Кафедра русской литературы Вильнюсского университета ходатайствует перед Нобелевским Комитетом о присуждении Нобелевской премии в области литературы за 1993 год выдающемуся русскому писателю и драматургу ЛЕОНИДУ МАКСИМОВИЧУ ЛЕОНОВУ. Сегодня, в итогах кончающегося XX века, все более очевидно, что творчество Л. Леонова, крупнейшего социального мыслителя и философа культуры, являет собой одну из вершин в художественном поиске нашего столетия. Уходящее корнями к гуманистическим и эстетическим традициям русской классики (Ф. Достоевский и Л. Толстой), творчество Л. Леонова основывается на приоритете общечеловеческих ценностей, на отстаивании культурного наследия как всего объема духовной жизни человечества, на сохранении и защите природного универсума земли.

В его произведениях с общечеловеческих позиций дана многосторонняя оценка революции в России (романы «Барсуки» и «Вор»), им отстаивались высшие гуманистические ценности и достоинство человека в условиях тоталитарного государства (романы «Скутаревский» и «Дорога на океан»). Снискала мировую известность его антифашистская публицистика периода второй мировой войны, основанная на обличении насилия,

на противопоставлении войны и сущности жизни, войны и культуры, войны и природы. Этим пафосом исполнена и драматургия Леонова («Ленушка», «Нашествие», «Золотая Карета»). Война как предельное искажение человеческой природы и как насилие над природным миром предстает и в романе «Русский лес». Этой природной эпопеей Леонид Леонов открыл одну из первых страниц мирового экологического романа. Главная коллизия «Русского леса» – выбор между «дорогами жизни», развивающими «процесс природы», и «дорогами смерти», проложенными насилием и любыми историческими обличиями тоталитаризма. Роман был завершен в 1953 году, в преддверии смерти Сталина, и, поддержанный экологической публицистикой писателя, оказал значительное воздействие на общественное движение «в защиту зеленого друга», существенно сказавшись на формировании глобального экологического мышления.

Леонид Леонов внес выдающийся вклад в интеллектуальный эпос XX века (развитие культурфилософского романа, «романа-культуры»). С одной стороны, творчество Леонова глубоко исторично: оно фиксирует и выражает собой основные маршруты движения человечества и русского народа в XX веке. Точность социального диагноза определяет провидческий характер многих его художественных решений. Утопия, антиутопия, пророческая притча – неизменный спутник произведений писателя («Легенда про Калафата», «Сказание об окольной дороге в рай», «кровавая утопия» в «Дороге на океан», «атомная версия» конца всех путей в «Бегстве мистера Мак-Кинли», сегодняшние антиутопии писателя «Последняя прогулка», «Спираль», констатирующие нравственно-психологические кризисы человечества и др.).

С другой стороны, этот актуальный пласт его художественного мышления, восходящий к традиции русского реализма, основывается на крупной метафизической концепции, организующей и обрамляющей творчество писателя в целом. Речь идет и о философском построении, названном автором мифом о «Размолвке Начал». Эта концепция, возникшая еще в 1922 году в новелле «Уход Хама», определила среду сакрального подтекста в подавляющем большинстве произведений Леонова и обрела сегодня в «Мироздании по Дымкову» наиболее полное научное и эстетическое обоснование. Согласно гипотезе Леонова, Бог-Творец создал совершенного человека и решил возвысить его над ангелами. Однако Антипод, повздоривший с Вседержителем, похитил землю и человека на ней. В силу этого конфликта вся история людского рода являет собой попытку доказательства злым божеством несостоятельности человеческой природы и должна завершиться самоистреблением мира людей. XX век со всем могуществом людей, выскользнувшем из-под морального контроля, может подвести последнюю черту под этим доказательством. Единственный исход и противодействие злой силе и гибели заключены в культуре. Культура – это «мировая душа», людская память о Божественных истоках; это все человеческое в мироздании, это путь возврата в отеческую обитель Бога-Вседержителя. Этому в художественных решениях писателя соответствует всемирная отзывчивость его творчества, его уникальный стиль, где в интеллектуальной стихии растворены и совмещены многообразные проявления стиливого спектра мировой культуры.

Леонову принадлежит одна из уникальных в истории мировой литературы твор-

Конечно, все это тогда было написано еще *полусоветским* слогом, еще сильно сказывались наши прошлые представления. Но в этом документе я все же постарался передать главное – радость Леонова от того, что мы вышли за черту «железного занавеса», освободились от отделенности от мировой жизни, что зажили «планетарной» судьбой, вернулись к человечеству и к всечеловеческим идеалам.

Нобелевскую премию 1993 года получила Тони Моррисон за свои бестселлеры «Любимая» и «Джаз», и в целом – за творческие достижения. При всем удовольствии от чтения этих книг, я все же не думаю, что она своим словом или чем-то другим могла быть соперницей Леониду Леонову. Тем более что до выхода романа «Пирамида» оставалось всего полтора года. А перед этим был создан до сих пор не напечатанный леоновский роман «Большой ангел».

О Тони Моррисон профессор Т. Элиот писал так: «Тони Моррисон не только создала экстраординарный контекст сложных романов поразительной силы, она перекроила американскую литературную историю XX столетия».

То же можно было бы сказать и о Леонове. И о русской литературе. О том, насколько его слово есть память и сила того, что хранится в запасниках русского духа, и о невероятных, свойственных только Леонову, возможностях его выражения.

Письмо 1992 года В. А. Десятников завершил грустно, как бы предвосхищая и нашу неудачу в представлении писателя к Нобелевской премии: «Меня (в выдвижении кандидатуры Л. Леонова к Нобелевской премии за 1992 год. – А. Л.) поддержали Л. В. Палиевский и Ф. Ф. Кузнецов из Института мировой литературы. С помощью

Б. И. Стукалина представление было доставлено в Стокгольм, в Нобелевский комитет, и Л. М. был зарегистрирован как один из кандидатов на премию. Премию Леонову не дали, да это не суть важно, т.к. я считал, что надо было представить, а уж какое будет решение – это другой вопрос. Мы свой *шанс* не упустили, чтобы потом нас не поняли, дескать, надо было “попробовать”. Толстой, Чехов, Ахматова, Цветаева, Булгаков – в XX веке – было кому Нобелевку вручать <...>. Журнал “Молодая гвардия” писал в этом году о дискредитации русских Нобелевским комитетом и о называемых при этом возможных претендентах – И. П. Павлове, Д. И. Менделееве и многих (помянутых выше мною). А теперь вот и Л. М. Леонов»⁶.

Я думаю, что вскоре многое могло быть иначе. Уже близился к завершению роман «Пирамида». И проживи еще писатель хоть несколько лет – мы бы не задержались с выдвижением Леонова на знаменитую Премию... Тем более что и потом, в течение десятка лет, Нобелевский Комитет присылал к нам на кафедру форму и предложение поучаствовать со своими рекомендациями тех или иных писателей кандидатами на эту премию за особые заслуги в сфере литературы и культуры.

Уже в 1995-ом в Пушкинском Доме начал действовать Семинар, посвященный роману «Пирамида»; и с первых же слов, сказанных о романе, становилось ясно, что это произведение Леонова не только подытожило духовные пути XX века в целом, не только основано на нравственно-художественных традициях русской классики, но и переступило в своих открытиях и

⁶ Из письма В. А. Десятникова автору данной публикации от 1 ноября 1992 года.

сверхжанровой структуре порог нового тысячелетия. И написали бы такое резюме в Нобелевский Комитет:

«Создание итогового произведения “Пирамида”, романа писательской судьбы и русской испытательной истории, писавшегося в течение полустолетия, служит более чем достаточным основанием, чтобы творчество Леонида Максимовича ЛЕОНОВА в целом и особо его последний роман были отмечены Нобелевской премией как символом признания его выдающейся творческой судьбы, его неоспоримых заслуг перед мировой культурой, перед “лицом необщим выражением” русской духовности».

...Пишу я эти высокопарные строки, а у меня в памяти всплывает завершение беседы Леонова со мной 2-ого декабря 1985 года. Писатель рассказал эпизод, как его хотели рассорить с М. Горьким, клеветнически намекнув создателю «Клима Самгина» на то, что Леонов, мол, «метит на его место в жизни и в литературе». И

Леонов заключил это воспоминание такими словами: «Я знаю, безусловно, в чьих креслах мы сидим. Но взгляните: был 1935-ый – теперь 1985-ый. Половина столетия миновало. Зарился ли я на что-то? Вот я здесь – весь перед Вами. Я никогда не искал почестей, наград, званий и вообще – особого места под солнцем. Я всю жизнь писал только одну *свою* книгу. От меня забирали рукописи, заверяя, что та или иная книга завершена. И я принимался за новую, считая – что вот уж *эта* и будет полным выражением того, о чем я думал всю жизнь. Но, как видно, и последнюю мне не дадут закончить... В этом смысле я где-то и сказал о писательском труде, что “наши книги зарывают с нами в могилу”». Писатель тогда не знал, насколько он пророчески был прав. Иначе откуда бы взялись слова, с которых мы начинаем читать его духовное завещание – роман «Пирамиду»:

«Не рассчитывая в оставшиеся сроки завершить свою последнюю книгу...».

Получено: 2006, июнь.
Принято: 2006, август.

Адрес автора:
Вильнюсский университет
Кафедра русской филологии
Universiteto g. 5
LT-01513, Vilnius
E-mail: lalexas@gmail.com